

Селиванова Е. А.,

доктор філологічних наук, професор,
заведуючий кафедрою теорії і практики перекладу

Черкаського національного університету імені Богдана Хмельницького

ПРОБЛЕМА ДЕФІНИЦІЇ ЗАГАДКИ

Анотація. В статті розглянуті різні підходи до трактування загадки як жанру енігматики, проаналізовано вибір ключового слова дефініції і риси загадки, подано авторське визначення цього дискурсивного феномена.

Ключові слова: загадка, дискурс, текст, жанр енігматики, стратегія, обряд, метафора.

Постановка проблеми. Найбільш древнім жанром енігматики є загадка, канони жанру якої з часом змінювалися, зберігаючи лише загальну інтенцію – відгадати зашифроване в тексті загадки найменування, називаємої відгадкою. Данна інтенція мала різні стимули. Найдавнішим стимулом загадок була міфологічна символізація, з допомогою якої люди описували і пояснювали оточуючу їх дійсність, спочатку – природу і себе в природі.

Древні загадки мали свою специфіку, в порівнянні з народними загадками: вони нерідко представляли собою запитання про походження, про релігію, про міфологію і т.п. Так, в пам'ятці древнерускої писемності, в стихі з «Голубиною (глибинною) книгою», дошедшою до нас в більш ніж 20 варіантах, царь Волод (Володотман) задає царю Ієрусалима Давиду Євсевичу запитання про походження світу, про природу людини, походження релігії, царської влади, сослов'їв і інше (*Отчею зачалось сонце красне? Отчею взяты телеса наши? Отчею у нас в землі цари пошли? Отчею зачалась князья-бояры? Которая церковь над церквами мати? Который у нас камень каменьям отец?*).

Подібні запитання зустрічаються в епосах і в поезії різних народів світу (наприклад, в вірші XIV століття «Trougemund») і виконують пізнавальну-роз'яснювальну функцію, даючи відповіді на найважливіші космогонічні, релігійні і міфологічні запитання про будову світу, про небо і землю, про бога і різних тварин і предметів. Як зауважує І.А. Седакова, «книжне впливання слов'янські загадки спробували в першу чергу з боку популярного в Середньовіччя жанру запитання-відповіді типу «Бесіди трьох святих» (і далі – духовного вірша з Голубиною книгою), <...> а також символіко-тлумачальних книг (азбуковників, лунників, громовників, «Фізіолога» і ін.) і інших перекладних і оригінальних пам'яток середньовічної літератури, таких як «Пчела», «Тлумач Палає», «Розумник», повісті про Акіру премудрого, про Соломона, про Олександрі Македонській і др.» [13, с. 275].

Філософські запитання-загадки опиралися на спадок давньогрецьких мудреців і давньоримських філософів і риторів Цицерона і Вергілія, залишавши нам афоризми і настановлення, первинні знання про будову Всесвіту, про природу, різних наук. Мотивація таких загадок – інтелектуальне розваження, тренування для розуму.

Різноманітність функцій загадок і їх жанрова еволюція ускладнюють формулювання їх дефініції, якою,

несмотря на багатовікову історію вивчення загадки, залишається складною і дискусійною в сучасних гуманітарних науках.

Цілью нашої статті є аналіз проблеми трактування загадки як дискурсивного і текстового феномена, продукту культури народу, поліфункціонального жанру усного народного мистецтва і літератури.

Ч. Скотт підкреслював, що адекватне визначення загадки ніколи не було сформульовано. По його думці, все, що є в руках дослідників, це виведена на емпіричних фактах або інтуїтивно виведена характеристика, іменуюча силу істотно обмежену в визначеному контексті [23, с. 131].

Деякі вчені висловлюють сумніви в необхідності виробити єдину дефініцію загадки. Так, фінська дослідниця загадки Е. Кенгес-Маранда вважає теоретичне визначення загадки не настільки важливим для ідентифікації цього жанру, зауважуючи достаточність «загальної згоди щодо того, що є в даний момент під цим жанровим терміном» [8, с. 132]. Достаточним, по її думці, є представлення особливої і компактною формою загадки, чим грубіше її визначення як вираження в запитально-відповідній формі. Однак як запитально-відповідна природа загадки, так і її особлива і компактна форма не можуть бути прийняті як критерій відмінності загадки від діалогічного єдності або компактних по формі прислів'їв, одностійких і інших малих фольклорних жанрів.

Упрощену дефініцію загадки можна знайти, наприклад, в ряду тлумачальних словників, енциклопедій і підручників (сравним: «загадка – це зображення або вираження, що потребує розгадки, інтерпретації» [11]; «загадка – іносказальне зображення в короткій формулі предмету або явища, які потрібно відгадати; вираження, що потребує розгадки» [18]; «коротке іносказальне описання якого-небудь предмету або явища, яке потрібно розгадати» [6]). Подібні тлумачення можна застосувати до ребусів, кроссвордів і деяким іншим жанрам енігматики. Крім того, акцентування уваги на краткості загадки не є необхідним і достаточним умовою для даного жанру. Наприклад, давньоанглійські загадки, описані в дослідженні А.В. Бутова, виконаному під нашим керівництвом, представляють собою тексти з декількох висловлювань: *I am the black child of a white father, a wingless bird, flying even to the clouds of heaven. I give birth to tears of mourning in pupils that meet me, even though there is no cause for grief, and at once on my birth, I am dissolved into air. What am I? Smoke;*

A man is on a trip with a fox, a goose, and a sack of corn. He comes upon a stream, which he has to cross, and finds a tiny boat which he can use for the same. The problem though, is that he can only take himself and either the fox, the goose, or the corn across at a time. It is not possible for him to leave the fox alone with the goose or the goose alone with the corn. How can he get all safely over the stream? Answer: Take the

goose over first and come back. Then take the fox over and bring the goose back. Now take the corn over and come back alone to get the goose. Take the goose over and the job is done! [4, с. 125–130].

Изложение основного материала исследования. Во многих дефинициях загадкам, прежде всего, приписывается метафоричность. Такой принцип исходит еще из античной традиции. Так, Аристотель в философском труде «Риторика» охарактеризовал загадку как «хорошо составленную метафору» [2, с. 16]. По его словам, «идея загадки та, что, говоря о действительно существующем, соединяют вместе с тем абсолютно невозможное. Достичь этого можно только с помощью метафоры» [2, с. 19]. Данный подход нашел отражение в знаменитом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, где загадка определена как «метафорическое выражение, в котором один предмет изображается через посредство другого, имеющего с ним какое-нибудь, хотя бы отдаленное сходство; на основании последнего вопрошаемый и должен отгадать задуманный предмет».

Относительно понятия сходства, аналогии в метафоре, постулируемом в данном определении, необходимо подходить к этому, часто провозглашаемому основным для метафоры признаку с большой осторожностью, ибо далеко не всякая метафора базируется на сходстве, а скорее, человек создает его в своем воображении с целью сделать речь более выразительной, экспрессивной, а также для конкретного представления абстрактных понятий. Не случайно А. Тейлор предложил трактовку загадки как «сравнения одного объекта с другим, абсолютно на него не похожим» [24, с. 129]. АА. П. Квятковский трактовал механизм построения загадки как замедленную метафору, вернее – симфору, высшую форму метафорического выражения, в котором опущено звено сравнения и даны характерные для предмета признаки, вследствие чего образ неназванного прямо предмета ощущается как чистое художественное представление, совпадающее с понятием о предмете [7, с. 264].

Французский литературовед Г. Парис также рассматривал загадку как «метафору или группу метафор, которые не являются общеупотребительными и явно не объясняются» [21]. Мы ставим под сомнение абсолютизацию необщеупотребительности метафор в загадках, так как метафоризация нередко является не способом шифровки, а средством подсказки. Такие метафоры в загадках общеупотребительны и тиражируются в устном народном творчестве и литературе. К примеру, развернутая метафора поля, стада на нем и пастуха, аналогизирующихся с небом, звездами и месяцем соответственно: *Поле немеряно, овцы не считаны, пастух рогатый; Поле полянское, стадо лебедяньское, пастух вышинский* (сравним: у В.А. Жуковского: *На пажити необозримой, не убавляясь никогда, скитаются неисчислимы серебрянунные стада*; украинская загадка *Один чабан тисячі овець пасе*, белорусская загадка *Поле не змерана, быдла не злічана, пастух рагаты*). Метафора пастбища как неба является распространенной в поэтическом творчестве многих народов мира. Н.В. Шестеркина также отмечает зооморфную природу метафор, используемых во множестве русских загадок о кочерге, которая предстает в виде кривого черного коня: *Кривой конь лезет в огонь, за ним туда же Федосья, растрепаны волосья (кочерга и помело); Черный конь прыгает в огонь (кочерга); Полно поле рыжих лошадей, одна ворона придет – всех разгонит (печь, уголья, кочерга)* [19, с. 309].

Вызывает возражение и абсолютизация метафоричности загадок, так как многие из них базируются на аллего-

рии, не являющейся метафорой, ибо метафору трактуют как образ-версию для уже известного прообраза на основе функционирования в одном контексте тематически различных лексических единиц, аллегория же есть использование выражения с одним содержанием для представления совсем иного, неизвестного содержания, открывающегося субъекту и предполагающего расширенное толкование [3, с. 167–168]. К примеру, в словаре В.И. Даля загадка вообще рассматривается как «аллегория или краткое аллегорическое описание» [5]. Кроме того, существует немало загадок, не имеющих метафорической или аллегорической шифровки, а использующих парадоксы, каламбуры, эффект обманутого ожидания, метонимию и прямое описание объекта. Ученые даже предлагают определять семантическую природу описательного компонента загадки как двусмысленность, которая лишает описание ясности и может быть парадоксом или противоречием.

По-разному в научной литературе и словарях подается ключевое слово дефиниций загадки. Загадку в толковых словарях русского языка обычно определяют как выражение, что нередко нарушается наличием в загадках ряда высказываний. Р. Жорж и А. Дандес в статье «Towards a Structural Definition of the Riddle» [22, с. 111] квалифицируют загадку как «традиционное словесное выражение», однако таким традиционным словесным выражением могут быть задания кроссворда, шарады, анаграммы, фраземы, пословицы, заговоры, молитвы и другие неэпиграммические жанры. Э. Кенгэс-Маранда предлагает в качестве ключевого слова для загадки в соответствии со структуралистским направлением, к которому она принадлежит, – структурную единицу [8, с. 253], однако структурными единицами чего являются загадки и чем они отличаются от других структурных единиц языка или речи. Загадки не могут относиться к структурным единицам языка, а как речевой жанр в ракурсе их инварианта они могут быть условно отнесены к структурным единицам речи.

Достаточно распространенным в дефинициях загадок является ключевое слово «описание». Р. Жорж и А. Дандес считают описание неизменным компонентом загадок [22, с. 113]. Русский исследователь Ю.И. Левин отмечает, что загадка чаще всего представляет собой неполное и/или искривленное (трансформированное, метафорическое) описание загаданного объекта [10, с. 284]. Однако описанием, в том числе метафорическим, могут быть также анаграммы, шарады, задания кроссворда, пейзажи, портреты и подобные фрагменты текстов и даже целые тексты.

К дефинициям загадки применяют также ключевые слова: малая фольклорная форма, диалогическая конструкция, речевое клише, которые охватывают различные типы жанров фольклора и речевых единств. К примеру, Н.И. Кравцов и С.Г. Лазутин называют загадкой «построенное в виде иносказания небольшое фольклорное произведение, содержащее замысловатый вопрос, на который необходимо дать исчерпывающий ответ» [9, с. 83].

Примечательным является использование в некоторых дефинициях загадки ключевого слова «текст». Ю.И. Левин в статье «Семантическая структура загадки» [10, с. 283] предложил трактовать загадку как текст. Текстом, отражающим постижение человеком мира, называют загадку авторы коллективной двухтомной монографии, изданной Институтом славяноведения и балканистики РАН в 1994–1995 годах «Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст». Если понимать текст как «целостную семиотическую форму лингвопсихоментальной деятельности адресанта, кон-

цептуально и структурно интегрированную, служащую прагматическим посредником коммуникации и диалогически встроенную в семиотический универсум культуры» [15, с. 715], то загадка как раз и является таким текстом, проецируемым на собственный инвариант, признаки которого определены канонами ее жанра.

Загадка двучастна и предполагает, как и все энигматические жанры, работу с первой ее частью адресата, который реконструирует вторую ее часть – отгадку, осуществляет расшифровку, дает ответ на вопрос. Иллокутивная сила как основная интенция загадки может быть вербализована в глаголах повелительного наклонения (*Одгадай загадочку: кину її в грядочку, нехай моя загадка лежить до весни (Озимина)*) или в вопросительных местоимениях и квеситивной природе ее речевого акта: *Що то за твір, що ні чоловік, ні звір, а має вуса? (Ячміль); По якій дорозі півроку їздять на коні, а півроку – без коня? (По річці)*. Данные способы могут быть соединены в одной загадке: *Нас сім братів, літами всі рівні, а іменами різні. Відгадай – хто ми? (Дні тижня)*. Загадка может не содержать вопроса или волеизъявления (отгадай), а представлять данную интенцию имплицитно в описательной форме.

Загадка, становящаяся предметом внимания адресата, вступает в интерактивную связь, в которой ее текст, превращается в посредника коммуникативного взаимодействия в энигматическом дискурсе. Тем самым, только как дискурс загадка реализует всю полноту своего предназначения и разнообразие своих функций.

Таким образом, загадка является дискурсом, представляя собой диалогическое единство собственно загадки и отгадки, погруженное в интерактивное пространство коммуникативной ситуации, знаковым посредником которой служит текст, подающий в превращенной или неполной форме описание загадываемого денотата, регламентируемое коммуникативными стратегиями подсказки и шифровки. И.А. Седакова в статье о загадке этнолингвистического словаря «Славянские древности» отмечает: «Загадывание загадок – особый вид ритуально-игрового поведения, вербальный акт, в котором один участник предлагает зашифрованное высказывание о некоем предмете или явлении, а другой должен назвать денотат. Диалогичности речевого акта загадывания соответствует двухчастность текста загадки, состоящего из иносказания (собственно загадка, вопрос) и его расшифровки (отгадка, ответ)» [13, с. 234].

Загадка как инвариант соответствует понятию жанра дискурса, описание канонизированного требует обращения к основным свойствам загадки, в отличие от иных энигматических дискурсивных жанров. Главной особенностью загадок большинство исследователей называют двукомпонентность. Названия для этих двух компонентов ученые избирают разные. Р. Жорж и А. Дандес выделяют в загадке описательный элемент, состоящий из темы и комментария (причем описательных элементов может быть несколько), а также референт, который должен быть отгадан [22, с. 113]. Э. Кенгэс-Маранда отмечает обязательное наличие в загадке двух составляющих – образной части и отгадки [8, с. 253]. Ю.И. Левин разграничивает в загадке текстовую часть, представляющую описание загадываемого объекта, и денотат, который должен быть отгадан [10, с. 284].

Указанная двукомпонентность присуща и другим энигматическим жанрам. С.Я. Сендерович иронично отмечает: «Существует множество видов текстов в виде вопроса и ответа; фольклорная, точнее, народная загадка похожа на любой из них не более, чем кит на медузу. <...> Начав

с того, что народная загадка со всей очевидностью имеет форму вопроса и ответа, мы едва ли когда-нибудь добредем до понимания специфики нашего жанра» [16, с. 14]. И далее: «Преодоление очевидностей начнем с отказа от определения загадки в качестве вопросно-ответной формы, которое дает не больше, чем определение человека как соединения кислорода, водорода и углерода. Начнем с более осторожной, открытой и проблематизирующей характеристики загадки как двучленной, или биномиальной, формы высказывания, отношения между двумя частями которой сложны, неоднозначны и не очевидны по своей сути <...> – если между вопросом и ответом пролегал зияние, то они уже не просто вопрос и ответ, во всяком случае не логический ответ на логически поставленный вопрос» [16, с. 38].

Трудно согласиться с выбором названий частей загадки. Референт всегда предполагает проекцию на действительность, однако не всякая загадка в качестве отгадки характеризуется предметностью. То же касается и образной части, ибо не всякое описание в загадке образно. Отрыв же текстовой части от денотата-отгадки сводит рассмотрение загадки как текста лишь к собственно загадке, исключая из текста отгадку, что не соответствует канону данного жанра. Вопросно-ответным единством загадка может быть названа лишь условно, поскольку многие собственно загадки не содержат вопроса, а лишь описание. Что касается логической связи между описанием и разгадкой, то она, безусловно, существует, какое бы зияние не возникало между ними, иначе о разгадывании загадки не может быть и речи. Зияние в загадке, по С.Я. Сендеровичу, заключено, во-первых, в том, что «предлагаемое ею метафорическое описание скрывает два логически разнородных компонента – действительно существующее в сочетании с совершенно невозможным (принцип Аристотеля), то есть в самом сердце ее содержится зияние» [16, с. 190]. Во-вторых, зияние пролегалет и между двумя членами биномиальной пары, причем «описание в загадке – не вполне описание: оно столько же затемняет предмет, сколько описывает его. Вывести разгадку из описания, как правило, едва ли возможно <...>, каждое описание по крайней мере потенциально допускает ряд разгадок» [16, с. 190]. В-третьих, исследователь усматривает зияние между манифестируемой и латентной целями загадки: первая «берется из открытого и неограниченного смыслового универса», вторая «относится к привилегированной стабильной, узкой, закрытой смысловой области» [16, с. 191–192].

Из всего этого следует только одно: загадка, ориентированная на разгадываемость, имеет две базовые стратегии – шифровки и подсказки. Естественно, между этими противоположными стратегиями существует зияние, однако специфика загадок именно в преодолении этого зияния путем апелляции к логической связи описания и отгадки, то есть к подсказке, и перехода от гипотезы о разгадке к декодированию зашифрованного содержания. Каким бы превращенным оно ни было, его нельзя назвать абсолютно случайным вводом зашифрованного соответствия, оно чаще всего мотивировано. Поиск кода, ключа этого шифра и интеграция его с подсказкой и есть устранение зияния и процесс отгадывания.

Следующую черту загадок исследователи определяют атрибутом ключевого слова – выражение, которое должно быть метафорическим или аллегорическим, то есть двузначным, амбивалентным. При этом подчеркивается неполное семантическое соответствие описательной части в отгадке, что является вполне естественным, ибо загад-

ка должна, с одной стороны, быть зашифрованной, а с другой стороны, она должна быть отгадана. Такую черту Ч. Скотт называет «частично затемненным семантическим соответствием» [23, с. 74]. Критикуя предложенное Р. Жоржем и А. Дандесом определение загадки, ученый считает, что «такое определение может быть применено и к пословице, а то, что специфично для загадки, – загадковость – остается за пределами их определения, которое, таким образом, не достигает цели» [23, с. 19]. Однако данный признак не является оригинальным, а лишь семантическим плеоназмом, которым отличались в истории лингвистики, например, определения текста, постулирующие главный его признак – текстуальность.

Однако амбивалентность загадки заключена не всегда в ее метафоричности и обусловлена ее стратегической природой: текст должен быть зашифрован, но так чтобы быть разгаданным. Это означает, что загадка должна содержать маркеры двух и более ситуаций: одна описывает денотат-отгадку, другие либо фигурально означают отгадываемый объект, либо намеренно уводят адресата от данного объекта, создавая ложный денотат или парадоксальный смысл. Ю.И. Левин назвал подобное явление «умышленно трансформированным описанием реальности» [10, с. 283].

Такое трансформированное описание не всегда полностью метафорично или аллегорично, а, как правило, характеризуется смешением двух и более номинативных планов. С.Я. Сендерович, следуя за американским фольклористом А. Тэйлором, наиболее точно сформулировал семантическую специфику подобного описания: «Инконгруэнтность, внутренняя конфликтность загадочного описания заключается в том, что в нем соединены фигуративное и буквальное описание загаданного предмета, причем неприметный, бесшовный способ соединения сбивает с толку» [24, с. 129–147; 16, с. 66].

В терминах когнитивного синтаксиса большинство загадок содержат знаки разных доменов и проецируются на интеграцию нелинейных пропозициональных структур, принадлежащих к разным предметным областям. К примеру, украинская загадка: *На дереві я родився в кожусі, як цілий кожух розірвався, і я на землю впав (Каштан)*, – содержит знаки двух доменов ДЕРЕВО и ЧЕЛОВЕК, описывая парадоксальную ситуацию, не соответствующую реальности. Не случайно, исследователи отмечают, что загадка «открыто бросает вызов логике» [16, с. 30], на ее примере можно «отчетливо увидеть весь произвол человеческого мышления, в частности, языкового, и его нежелание укладываться в определенные границы и рубрики» [10, с. 284].

Некоторые загадки вообще лишены указанной амбивалентности, так как не имеют метафоричности или аллегории, например, украинская загадка о крапиве: *Сама холодна, а інших припіка*, – не имеет знаков второго номинативного плана. Однако поиск разгадки в данном случае все же затруднен неполнотой и односторонностью данного описания.

Третьей чертой загадок исследователи называют культурную маркированность, что не является дифференцирующим признаком загадки как жанра. А если понимать этническую культуру как сложный феномен жизни народа, представляющий собой сохраненные в коллективной памяти этноса символические способы материального и духовного осознания мира, модели его познания и интерпретации, а также способы коллективного существования народа, то культурно маркированным можно считать любой этнотекст. Культурная маркированность загадки спо-

собствует ее воспроизводимости, знаковой устойчивости, обеспечивая ее трансляторный потенциал, то есть возможность передаваться от поколения к поколению.

В современном мире предназначение загадок – испытать сообразительность человека, «раскрыть ему глаза на поэтическую красоту и богатство предметно-вещественного мира» [1]. Е. Кук считает целью загадки побуждение к размышлению посредством ввода в заблуждение [20, с. 15]. Целью загадок называют проверку находчивости адресата, стимулирование умственной деятельности. Н.Г. Титова отмечает, что «с течением времени функциональные особенности загадок подвергались изменениям, превращаясь из способа общения и обмена информацией в праздное развлечение, нацеленное на испытание умов и проверку сообразительности» [17, с. 197].

Древняя загадка имела также характер своеобразного ритуала-испытания. Исследователи загадок подчеркивают: «В своем происхождении загадки обнаруживают связь с архаическим ритуалом, моделирующим преодоление хаоса и упорядочение состава мира путем обозначения и именованя каждого его элемента; с магией слова и мифопоэтической картиной мира; с явлениями языкового табу и тайных языков» [13, с. 234]. «С точки зрения мифологического сознания, произнесение таких текстов и совершение таких действий рассматривалось как магическое подкрепление для осуществления процесса миротворения» [12, с. 48].

Загадки у многих народов загадывались в определенное время и при определенных условиях («зимой, после Рождества, в мясоед и особенно – на масленицу (по сербскому поверью, тот, кто на масленицу не загадает или не отгадает ни одной загадки, весь год не будет иметь успеха в делах); нередко также до Рождества, на осенних посиделках и вечеринках, за общей работой или же на праздничных сборищах (у сербов, например, на семейно-родовых праздниках «славы» <...>, строго запрещалось загадывать загадки в период Великого поста (ср. запрет в это время на пение, танцы и др. увеселения). Сербь Левча и Темничя верили, что нарушившего запрет укусит змея-шарка, в Косово воздерживались от этого ради благополучия скота и мира в семье (загадывание загадок в пост грозило ссорами). Во многих местах южной Сербии считалось опасным и не допускалось загадывание загадок во время появления приплода у скота, ибо это якобы грозило ему болезнями и хромотой; белорусы строго следили за тем, чтобы никто в доме не загадывал загадки, когда овцы начинают котиться. Русские Пермской губернии не позволяли загадывать загадки днем, летом, в пост (иначе коровы не будут возвращаться домой или их задерет в лесу волк; сам заблудишься в лесу и т.п.). [13, с. 235–236]. «В русской культуре, земледельческой и потому ориентированной на солнце, большую роль играли Святки. <...> Основным смыслом святочного периода, по народным представлениям, являлось рождение нового года, в рамках которого формировались судьбы природы, общества и каждого конкретного человека на следующий год» [19, с. 95]. Потому в Святочный период вечерами принято было загадывать загадки, что должно было способствовать началу нового временного периода как рождению нового мира.

Ритуальный характер загадок проявлялся в ее использовании в свадебном обряде, обряде инициации как проверке зрелости человека, обряде испытания на храбрость в сказочных сюжетах о борьбе добра и зла. «За неумение отгадать загадку предусматривались разного рода наказания, в характере которых проступают следы древних

инициационных ритуалов: например, проигравшего под специальные «отгонные» приговоры изгоняли «на мусорную кучу», «под юбку к какой-нибудь малопривлекательной особе», «постирать чулки женщинам села» и т.п., подвергали унижительным действиям (например, брали сковороду и мазали ему сажей бороду и брови), выставляли на осмеяние или же «присуждали» заплатить штраф – поцеловать кого-то из присутствующих, «полаять на лампу» и т.п. [13, с. 236].

С.Я. Сендерович указывает, что «во многих традициях существует так называемая шееспасительная загадка (das Halslösungsrätsel), ответ на которую определяет выбор между жизнью и смертью вопрошаемого» [16, с. 14]. Загадка служит средством божьего суда, считается, что отгадывание загадки перед лицом жизни и смерти является либо божьей карой, либо божьим избавлением от наказания. Например, знаменитая загадка Сфинкса, который в греческой мифологии считался демоном разрушения, убивавшим всех путников, не могущих ответить на его хитроумные вопросы. Лишь после того, как Эдип разгадал загадку Сфинкса, чудовище бросилось в пропасть, а Эдип стал царем освобожденного им от Сфинкса города Фивы.

Обрядовые песни, в которых загадка была частью текста, своего рода текстом в тексте, свидетельствуют о том, что издавна от ответа на загадку преимущественно зависела судьба испытуемого, его жизнь или смерть, благосостояние, социальный статус, семейное положение (например, обращение русалки к испытуемому: «Загадаю тобі три загадочки, як угадаєш – до батька пуцу, не угадаєш – до себе візьму»).

В ряде эпических и лирических произведений различных народов загадки выполняют состязательную функцию, к примеру, состязание между женихом и невестой, мудрой девицей, между странником и хозяином и т.п.

Выводы. Таким образом, канонами загадки как жанра дискурса являются воспроизводимость, знаковая устойчивость, трансляторная способность в системе культуры, двухкомпонентность структуры текста загадки (наличие собственно загадки и отгадки); амбивалентность, заключающаяся в противоположной стратегичности загадки – направленности на зашифрованность и потенциальную разгадываемость, обеспечивающуюся подсказками. Кроме того, загадка как жанр имеет потенциальную интерактивность. Дискурсивная природа загадки заключена как в ее использовании в реальном процессе общения, так и в самой диалогической модели загадки, предполагающей реакцию адресата на загадываемое адресантом (коллективным, неактуальным или определенным автором), программа интерпретации которого нацелена на ответную реакцию адресата. Перспективой дальнейших исследований данной проблемы является установление жанровых канонів загадки и их изменения на протяжении веков.

Литература:

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество (Фольклор) : [методические указания] / В.П. Аникин. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1981 – 95 с.
2. Аристотель Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 550 с.
3. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике. – Изд. 2-е, стереотипное / В.Г. Борботько. – М. : КомКнига, 2007. – 288 с.
4. Бутов О.В. Проблема дефініції загадки / О.В. Бутов // Вісник Черкаського університету. Серія: Філологічні науки. – Черкаси, 2011. – Вип. 213. – С. 125–130.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vidahl.agava.ru/>.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.efremova.info/>.
7. Квятковский А. Поэтический словарь / А. Квятковский. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 375 с.
8. Кенгес-Маранда Э. Логика загадок (пер. с англ. Н. Кузьминой) / Э. Кенгес-Маранда // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М. : Наука, 1978. – С. 249–283.
9. Кравцов Н.И. Русское устное народное творчество : [учебник для филологических специальностей ун-тов]. – 2-е изд. / Н.И. Кравцов, С.Г. Лазутин. – М. : Высшая школа, 1983. – 448 с.
10. Левин Ю.И. Семантическая структура загадки / Ю.И. Левин // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М. : Наука, 1978. – С. 283–313.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.org/>.
12. Русская мифология. Энциклопедия / сост. Е. Мадлевская. – М. : Эксмо ; СПб. : Митгард, 2006. – 784 с.
13. Седакова И.А. Загадка / И.А. Седакова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого ; отв. ред. С.М. Толстая. – М. : Международные отношения, 1999– . – Т. 2. – 1999. – С. 233–237.
14. Селиванова Е.А. Энигматический дискурс: вербализация и когниция : [монография] / Е.А. Селиванова. – Черкассы : Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. – 214 с.
15. Селиванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
16. Сендерович С.Я. Морфология загадки / С.Я. Сендерович. – М. : Школа «Языки славянской культуры», 2008. – 208 с.
17. Титова Н.Г. История и изучение народных загадок в отечественном и зарубежном языкознании / Н.Г. Титова // Современная филология : материалы Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). – Уфа : Лето, 2011. – С. 197–203.
18. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ushdict.narod.ru/>.
19. Шестеркина Н.В. Фольклорные тексты в структуре вербального мифологического сознания / Н.В. Шестеркина. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2010. – 416 с.
20. Cook E. Enigmas and Riddles in Literature / E. Cook. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 291 p.
21. Gaston P. Preface / P. Gaston. – Rolland, 1877. – P. 5–12.
22. Georges R. Toward a Structural Definition of a Riddle / R. Georges, A. Dundes // Journal of American Folklore, 76. – 1963. – P. 111–118.
23. Scott Ch. On Defining the Riddle: The Problem of Structural Unit / Ch. Scott // Genre. – 1969. – V. 2. – № 2. – P. 42–129.
24. Taylor A. The Riddle / A. Taylor // Western Folklore. – 1943. – № 2. – P. 129–147.

Селіванова О. О. Проблема дефініції загадки

Анотація. У статті розглянуто різні підходи до трактування загадки як жанру енігматики, проаналізовано вибір ключового слова дефініції та риси загадки, подано авторське тлумачення цього дискурсивного феномена.

Ключові слова: загадка, дискурс, текст, жанр енігматики, стратегія, обряд, метафора.

Selivanova O.O. The problem of riddle definition

Summary. This article focuses on the different approaches to the definition of the riddle as an enigmatic genre, analyses the choice of key words of definition, and riddle features. It provides the author's definition of this discourse phenomenon.

Key words: riddle, discourse, text, enigmatic genre, strategy, ritual, metaphor.